

Венгерские исследования по этносемиотике*

Началом венгерских исследований по семиотике следует считать конец 1960-х гг. (см. Horpál 1971, а также Horpál 1973). По времени оно совпало с развитием изучения знаковых систем во многих отраслях науки. Венгерские исследователи руководствовались не только специальными публикациями в международной научной литературе, но и осознанием очевидности характера «знаковых систем» изучаемого материала. Однако гораздо раньше, еще до 1945 г. в определенных дисциплинах обнаруживаются зачатки осознания присутствия «знаковых систем», прежде всего в языкознании (см. Laziczius 1932), педагогике (см. Karácsony 1939, 1941) и – что следует особо подчеркнуть – в области этнографии и фольклористики (см. Szendrey 1941; Lükő 1942; Palotay 1943).

Первую часть работы мы посвятим обзору истории венгерских исследований по семиотике. Семиотические изыскания в области языкознания, литературоведения и теории искусств явились научным контекстом и теоретическим обоснованием, без которого возникновение и развитие самостоятельных венгерских исследований по этносемиотике и достижение тех результатов, о которых мы уже с полным правом можем отчитаться, было бы просто невозможно. Во второй части работы мы подробнее остановимся на венгерских предшественниках этнографической семиотики, а также на исследованиях идущих вслед за ними представителей молодого поколения.

Этносемиотические исследования наших дней только частично были подготовлены спорадическими стремлениями

* Впервые статья была опубликована в 1976 г. в *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae* 25, 373–388.

иначинаниями до 1945 г. Основой их сознательного характера явились работы, в результате которых важнейшие зарубежные публикации по теории знаков, точнее отрывки из них или их часть, стали доступными и на венгерском языке (например, произведения Фердинанда де Соссюра, Людвиг Витгенштейна, Адама Шаффа, Романа Якобсона, Юрия Лотмана, Жака де Моля и других авторов),¹ будучи изданными у нас в 1960-е гг.

Ранее публикации по общей теории знаков выходили из-под пера лингвистов. Дёрдь Сепе в лингвистической дискуссии сделал обзор системы теории знаков, выдвинутой Чарльзом Моррисом, указав на широкие возможности ее применения. Этот действительно первый настоящий обзор по семиотике был опубликован в 1961 г. (см. Szépe 1961). Также можно упомянуть ряд работ, авторы которых для разъяснения языковых явлений вслед за учением Ф. де Соссюра всегда применяли семиотический подход (см. Kovács 1964; Balázs 1966; Temesi 1966).

Ференц Папп в экскурсах, опубликованных в третьем томе Трудов по общему языкознанию (Papp 1965), дает обзор всего круга проблем, связанных с общей теорией знаков. Он утверждает, что язык функционирует как метаязык остальных систем знаков и используемые в языкознании методы применимы также при изучении некоторых других семиотических систем. В одном из своих замечаний автор предугадывает, что в последней трети XX и в XXI в. семиотика станет одной из характернейших отраслей науки, став математикой гуманитарных наук.

Достижения современного структурного языкознания были пополнены размышлениями семиотического характера на совещании за круглым столом в 1968 г. Материалы совещания были опубликованы под заглавием «*A társadalmi tudat formáinak modelljei*» (Модели форм общественного сознания) (см. Voigt 1969a). В Венгрии это было первым междисциплинарным совещанием, на котором рассматривались вопросы семиотики.

¹ Также см. специальный номер журнала «*Helikon*» (1973) и сборник «*A jel tudománya*» под редакцией Эжеба Хорани и Дёрдя Сепе с переводами на венгерский язык большого количества статей, ставшими классикой (см. Horányi & Szépe 1975).

На совещании Ф. Папп выступил с интересным докладом о моделях в семиотике.²

На симпозиуме «Язык и коммуникация», организованном Научно-исследовательским центром массовой коммуникации при Венгерском Радио и Телевидении, Ф. Папп сделал доклад о значении, сообщении и семиотике в советском языкознании. Докладчик говорил, прежде всего, о советских исследованиях по семантике (теории значения) и вкратце упомянул о семиотических работах общего характера (см. Papp 1969). Участники симпозиума представляли различные отрасли науки и к проблемам, связанным с общественной коммуникацией, подходили в соответствии с требованиями своей дисциплины. Материалы симпозиума были опубликованы под редакцией Тамаша Сечкё и Дёрдя Сепе (см. Szecskő & Szépe 1969).

Одновременно с упомянутыми работами Т. Сечкё написал свою кандидатскую диссертацию (см. Szecskő 1971). Поскольку в ней он рассматривает социальную коммуникацию посредством различных систем знаков, то непременно касается и вопросов семиотики. Исследователь народной культуры может найти в работе Т. Сечкё много интересных мыслей и ценных идей (см. рецензию на русском языке Horpál 1972a). Отметим, что благодаря советам Т. Сечкё и при его поощрении автор настоящего сообщения написал книгу о системе коммуникации в одной из венгерских деревень (см. Horpál 1970).

Литературоведение относительно рано ознакомилось с возможностями применения современных научных теорий. Первым выражением этого стало исследование Яноша Ш. Петёфи «*Művészet és kommunikáció*» (Искусство и коммуникация, см. Petőfi 1966). В этой работе автор первым в Центральной Европе построил коммуникативную модель принятия художественного творчества, произведения. Позже Я. Ш. Петёфи продолжил эту работу, а его влияние прослеживается и в других трудах по теории литературы, включая фольклористику (см. Voigt 1972b).

² Именно этот доклад стал первым обратившим на себя внимание упоминанием о проблемах, в качестве обозначения которых мы предложили термин *жестовая коммуникация* или *коммуникация жестами* (см. Horpál 1972b).

На совещании за круглым столом на тему «Язык и коммуникация» Иван Витани выступил с докладом о теории коммуникации и эстетике. В его обзоре имеется много ценных сведений по семиотике и фольклористике. По мнению литературоведа Элемера Ханкишша (см. Hankiss 1969, а также Hankiss 1967), при изучении песенного народного творчества также можно применить такой метод. В своих работах он придерживается этого подхода, выступая продолжателем данного направления. Так, исследование Э. Ханкишша о характере структуры и/или модели в литературном произведении (см. Hankiss 1970a) содержит основополагающие идеи для теоретического и текстового анализа фольклорных произведений.

Много полезных и неизвестных ранее положений и формулировок имеется в работах, с которыми мы ознакомились в 1968 г. на симпозиуме «Формообразующие начала в поэтических произведениях», а также спустя два года в г. Сегеде в ходе дискуссий об анализе рассказов и повестей (см. Hankiss 1970b, 1971). Среди докладов и выступлений последней серии дискуссий имеются семиотически особенно обоснованные работы, берущие за основу взгляд, согласно которому, произведение является знаком, созданным своим творцом и выступающим одновременно как часть более крупной общей системы знаков (например, всего творчества поэта, писателя или всего направления эпохи).

Ранние работы Габора Боньхай, Кароя Чури и Я. Ш. Петефи по литературной семиотике (см. Petőfi 1967; Bonyhai 1968; Csúri 1968) на материале конкретных разборов способствовали внедрению этого метода, дающего много нового и для фольклористики. Однако отметим, что в текстуальных изысканиях венгерская фольклористика пока лишь эпизодически пользуется выводами из работ по теории литературы (например, Horpál 1969; Voigt 1969b; Küllős 1970; Szemerényi & Voigt 1972). Отставание видится еще большим, если принять во внимание современные теории текста, выдвинутые в 1970-е гг. и остававшиеся в венгерских исследованиях совершенно без отклика.

Венгерские фольклористы обошли молчанием и сборник работ «*Művészet és közérthetőség*» (Искусство и общедоступность, см. Szerdahelyi 1972), вызвавший дискуссию и признание в широких кругах критиков и деятелей эстетики. Во введении сборника его составитель Иштван Сердахейи писал: «Главная

цель специалистов при Рабочем межотраслевом комитете по сравнительной теории искусств Академии наук ВНР заключается именно в том, чтобы, создавая условия для многостороннего обмена мнениями деятелей самых различных научных дисциплин, способствовать тем самым развитию теории искусств».

Развитие теории искусств пусть опосредованно, но, по всей вероятности, может способствовать лучшему пониманию народного искусства, особенно если не упускать из виду, что одним из признаков искусства народа (т. е. фольклорных произведений с текстом и напевом) была общедоступность, полное овладение и принятие их коллективом.

Летом 1972 г. в Институте литературоведения Академии наук ВНР было проведено совещание советских и венгерских исследователей по вопросам литературной семиотики. На совещании было прочитано много докладов, обогативших венгерскую литературную семиотику ценными положениями и мыслями. Также были высказаны ценные критические замечания. Следует особо подчеркнуть, что на совещании были заслушаны и два выступления по фольклористике – доклады Елеазара Мелетинского и Вилмоша Фойта.

В области литературоведения в 1972 г. была сделана значительная попытка создать общую «семиотическую теорию литературы». Ее автором стал Золтан Каньо, спустя два года написавший кандидатскую диссертацию по этой теме. Это была первая работа такого характера в Венгрии. Стоит привести основные положения этой работы, так как везде, где автор говорит о литературном произведении, мы смело можем заменить это выражение на «фольклорное произведение». В работе мы находим много новых и полезных мыслей и высказываний. К примеру, цитата из диссертации З. Каньо:

«Литературные произведения, отдельные литературные явления придется определить не просто единичными, интуитивно доступными явлениями, а как части или элементы определяемой в будущем системы. – В задачи литературных исследований входит выявление всех закономерностей, которым подвластно литературное произведение. И таким образом, описание и толкование литературных произведений предполагает теорию, основанную на конкретных, эмпирических фактах, с одной стороны, и имеющую, как и все научные теории, характер ги-

потезы, с абстрактными и общими положениями, с другой. При теоретическом истолковании любого (литературного) текста нужно исходить из предположения, что текст является семиотическим фактом, т. е. текст задан в контексте своеобразного (подразумевается: литературного) характера коммуникации. Литературная коммуникация в отдельных своих значительных и весьма важных элементах отличается от общей коммуникативной модели. – При семиотических разысканиях в области теории литературы лучшим исходным пунктом оказывается текстуальный комплекс, т. е. совокупность партитуры (письменного текста) и ее устной передачи, так как хотя бы частично это материализуется в знаковых формациях материально-вещественного характера, в таком виде больше всего поддается разбору, больше, чем любая другая реляция литературной коммуникации. – Проблемы текстуальной партитуры входят в компетенцию теории текста, а проблемы устной передачи – в область перформации теории текста».³

З. Каньо присоединяется к теоретикам советской семиотической школы, говоря:

«Литературный текст создается на основе вторичной семиотической системы, пользующейся естественным языком как первичной семиотической системой. Языковые и иные (неязыковые) элементы в литературном тексте упорядочены уже на основе литературных закономерностей. Прежде всего в отношении своей глубинной структуры литературный текст определяется примененной в этом тексте языковой системой. А поверхностную структуру текста в ее языково-стилистической конкретности определяют, кроме глубинной структуры, грамматические и риторические правила трансформации. В конечном итоге, литературный текст создается своеобразным поэтическим кодом, строящимся на первичном коде языка и приводящим к неизвестной ранее в обычном языковом тексте организованности высшего уровня. Говоря о семиотическом разборе литературных текстов, автор заключает, что тут решающую роль играют т. н. простые формы (как, например, крылатые слова, пословицы и поговорки), которые можно считать относительно чистым простым воплощением поэтического кодирования».

В 1975 г. З. Каньо издал на венгерском языке тезисы своей кандидатской диссертации, написанной на немецком языке.

³ Цитата взята из рукописи З. Каньо «Семиотический подход к литературе» (1972).

В тезисах он проводит семиотический разбор т. н. «простой формы» – пословицы. Приведем положения, касающиеся непосредственно фольклористики:

«Эти ‘простые формы’ как произведения фольклорного характера строятся на социальном коде и создаются из противопоставления (оппозиции) первичного кода языка и вторичного кода литературы. <...> Основной вопрос паремиологических исследований на основе семиотики сводится к тому, как можно объединить взаимоотношения, выявленные в отдельных – логических, грамматических, тематических, поэтических – аспектах. Очевидно, целесообразным будет такое решение, чтобы в соответствии с исследованиями последних лет в области генеративной грамматики мы стремились привести в соответствие глубинную структуру генеративной грамматики с отвлеченным логическим уровнем описания. Поверхностную структуру мы можем описать с помощью ритмической трансформации, с одной стороны, и применяемых в генеративной грамматике правил, с другой. А для объяснения явлений поэтики мы вводим специальный вторичный поэтический код, связанный с кодом естественного языка, точнее модифицирующий влияние этого кода. <...> Сущность поэтического кода заключается в том, что элементы словарного состава он дополнительно систематизирует на основе какого-то важного свойства системы языка, повышая степень организованности линейной структуры. <...> В простых формах мы можем увидеть относительно простое и чистое воплощение поэтического кода; они создаются в непосредственном противопоставлении языка как первичной семиотической системы вторичной семиотической системе, предопределенной поэтическим кодированием» (Кануб 1975: 9, 11, 24).

Наряду с публикациями естественных текстов, основанных на устной речи (будь это тексты художественные или фольклорные), в культуре есть другая совокупность, которую составляют системы знаков визуальных сообщений. Некоторые венгерские исследователи занимаются именно этими знаками. Причем если в других областях были определенные предпосылки, то здесь все пришлось начинать на пустом месте. Возможно, именно поэтому в последние несколько лет динамичнее всего развивалось как раз это направление семиотики. Исследование систем визуальной семиотики теперь уже ведется продуманно и планомерно.

К трудам такого рода относится одна из работ Габора Силади «*A vizuális közlés szemiológiája*» (Семиология визуального сообщения, см. Szilágyi 1971). В работе можно найти ряд положений общего характера о семиотике образов (имаго). По мнению автора, образ составляет не замкнутое единство, а тесно связан с культурным окружением, под влиянием которого образы, как и слова и жесты, могут впитать в себя то или иное значение. Образ функционирует как носитель культуры, система знаков-носителей информации, характерной для данной культуры. Пора уже вскрыть значение образного сообщения в истории культуры. Такие высказывания дают нам понять, насколько огромное значение в семиотических исследованиях культуры имеет необходимость соразмерных работ по различным отраслям семиотики и их пропорциональное развитие.

Семиотика образов (*image*) поставлена в центр внимания и другой системы визуальных знаков – кинематографа. Кинематограф оказывается наиболее сложной среди визуальных систем кодов. Его анализ – дело наиболее сложное, но несмотря на это в Венгрии за весьма короткий срок были достигнуты значительные результаты в этой области. Бурному росту отечественной семиотики кинематографа, если и не непосредственно, то косвенно содействовало быстрое развитие венгерского кинематографа (мы имеем в виду картины Миклоша Янчо, Золтана Хусарика, Шандора Шары, Иштвана Гала, Ференца Коши, получившие всемирное признание, между прочим, благодаря и их этнографической достоверности). Во многих публикациях мы находим определения основных понятий семиотики кинематографа, хотя часто они полемизируют друг с другом (см. Horányi 1971; Szekfű 1971). Хорошим дополнением к венгерским исследованиям является сборник переводных статей по семиотике кинематографа известных иностранных авторов (см. Noppál & Szekfű 1974).

Как венгерская, так и зарубежная специальная литература по семиотике кинематографа ввела в научный оборот множество теоретических и методологических новшеств в области анализа непрерывных рядов действий. Они обнадеживают и поощряют этнографов и фольклористов возможностью применения некоторых достижений в области современного анализа фильма к точному и подробному описанию явлений своей отрасли, прежде всего обычаев и обрядов. Ведь к обычаям и обрядам можно

подойти как к фильму по «сценарию обряда», как к действию, запечатлеваемому или уже запечатленному на киноленте исследователями, имевшими в свое время возможность сделать это.

Петер Йожа во второй части своей кандидатской диссертации (Józsa 1974) проанализировал знаковую систему кинокартин режиссера М. Янчо по методике, предложенной французским этнологом и мифологом Клодом Леви-Строссом, исходя из теоретической предпосылки, по которой в обоих случаях речь идет о т. н. *нарративном анализе* (Voigt 1972a). Кинокартины М. Янчо несомненно относятся к лучшим произведениям мирового искусства кино и как нельзя лучше показывают богатство венгерской культуры. Предложенный П. Йожей анализ облегчил и обогатил восприятие спорных произведений, всего спорного творчества М. Янчо, янчовского мифического миропонимания и внес в это восприятие новые ценные моменты. П. Йожа подверг тщательному анализу костюмы и их изменения, отличающиеся от повседневных жесты, ритмику смерти и мифологию (или, по выражению французского ученого, мифологему) наготы. Выражая все это одним словом из анализа самого П. Йожи, он проанализировал элементы текста или же *текстемы*. Для характеристики элементов текста П. Йожа применяет те же методы, что и современное языкознание при анализе речи и звуков. С помощью отличительных знаков можно точно охарактеризовать конкретные действия в отдельных кинокартинах (например, изменения костюмов или видов смерти). Анализ с помощью этих внутренних признаков может дать многостороннюю характеристику отдельным сценам и объяснить их значение, причем в отношении к другим сценам и ко всей кинокартине, даже к подобным сценам (раздевания и казни) в других картинах М. Янчо. Именно эта соотнесенность и является решающим шагом вперед, ведь, по рассуждениям К. Леви-Стросса, если элементы мифа имеют значение, то оно заключается не в самом себе, а в системе отношений, определяющей взаимосвязи между отдельными элементами. Это же можно сказать об элементах обрядов, обрядовых действий, «обрядовой кинокартины», точнее, о взаимосвязях значений их элементов. Достижениями в исследовании венгерской семиотики кино можно воспользоваться в изучении народных обрядов.

Сделав обзор различных направлений семиотики, обратимся к этнографии. В заглавии этой работы фигурирует слово *этносемиотика*. В данном сложном слове присутствует тот же компонент, что и в терминах *этнография* и *этнология*. Согласно англосаксонскому словоупотреблению или следуя за словоупотреблением отдельных философов, уместнее было бы воспользоваться термином *антропология*, но мы придерживаемся фактов из истории нашей науки и предлагаем термин, употребленный в заглавии. Ведь еще задолго до возникновения упомянутых выше отраслевых семиотик т. н. «науки о народе» изучали «знаковые языки», системы подачи сигналов, системы символов, характерные для отдельных народов и племен, словом – вопросы семиотики в современном смысле слова (ср. Horpál 1977), пусть даже эти ранние исследования не имели никакого отношения к теории знаков Пирса или Морриса. Таким же было положение в венгерской этнографии.

Еще до второй мировой войны в венгерской научной этнографической литературе появилась краткая статья Акоша Сендрея «*A magyar nép jelnyelve*» о языке знаков у венгерского народа (см. Szendrey 1941).⁴ К сожалению, впоследствии автор не рассматривал эту тему, но его рассуждения имеют этносемиотический характер даже в современном смысле слова, несмотря на то что в этой статье он подробно рассматривает только венгерский «язык жестов».

В области этнографических исследований впервые стало ясно, что некоторые знаки играют отличительную роль, т. е. в жизни коллектива они выполняют важную регулирующую функцию. При изучении форм крестьянской одежды исследователи обратили внимание на то, что народная одежда выступает в функции обозначения возраста человека, и определили внешние знаки, имеющиеся на предметах народного костюма (см. Szendrey 1931; Palotay 1943). В монографии Габора Люкё (Lükő 1942) представлен анализ системы символов венгерского народного (устного и изобразительного) искусства. Наиболее интересным в рассуждениях автора, заслуживающих критического

⁴ В названии статьи можно увидеть первое сознательное определение этносемиотики в мировых масштабах. Ознакомившись с ее содержанием, становится ясно, что в статье – только сырые данные без анализа (она была написана под влиянием многочисленных зарубежных статей о языке жестов).

разбора, является вывод о нераздельном единстве системы символов народных песен, народного изобразительного искусства и религиозно-суеверных представлений народа.

Дюла Ортутаи в своей книге «*Kis magyar néprajz*» (Краткая венгерская этнография, см. Ortutay 1966), впервые вышедшей в свет в 1942 г., посвящает отдельную главу традициям, регулирующим быт крестьянина. В ней автор упоминает о роли знаков, символов и символических действий, бытующих в крестьянских коллективах. В то время автор уже был знаком с некоторыми ранними работами Петра Богатырева, написанными под влиянием пражской школы языковедов вполне в духе семиотики. В академическом докладе, в котором категории варианта, инварианта и аффинитивности он определил в качестве основных терминов устной передачи фольклорных произведений, Д. Ортутаи, в сущности, описал и определил закономерности трансформации знаков народно-поэтических, т. е. нарративных, повествовательных структур (см. Ortutay 1959).

В предыстории венгерской этносемиотики достойны упоминания еще несколько работ, содержащих интересные материалы по истории культуры. Эти работы посвящены знакам, бытовавшим в прошлые столетия, в том числе лавочным вывескам (см. Nadik 1927; Huszár 1961; Perekázy 1962; Csatkay 1971), цеховым гербам (см. Bodó 1968, 1970; Bodgál 1971) и знакам домов (см. Horváth 1935; Borsody-Bevilaqua 1938). Тематически к ним примыкает хорошо оформленная «Книга о знаках» (1941), в которой представлены все виды знаков «в той форме, как ими пользовались народы древнейших и древних времен, раннего христианства и средневековья». Это перевод английской работы, дополненный венгерскими примерами.⁵ С точки зрения этнографии, особый интерес представляют последние страницы книги, на которых изображены древние венгерские знаки собственности и варианты тамг некоторых семей в той форме, в которой они бытовали у различных членов семьи.

⁵ *Jelek könyve, mely jelek minden fajtáját tartalmazza... Barátai segítségével gyűjtötte, rajzolta és magyarázta Rudolf Koch. Fordította és itt-ott magyar példával kibővítette Szentkúty Pál* (Книга о знаках, содержащая все виды знаков... С помощью своих друзей собрал, нарисовал и пояснил Рудольф Кох, перевел и местами дополнил венгерскими примерами Пал Сенткюти). Hungária könyvek 8, Budapest.

Во второй половине 1950-х гг. при Этнографическом музее в Будапеште был основан реферативный журнал «*Index Ethnographicus*». В нем была опубликована целая серия статей под сводным заглавием «Этнография выражения». В статьях авторы разбирали бытование знаков в крестьянском обществе, приложив к своим исследованиям богатую коллекцию примеров. Серии статей предшествовали работы Белы Гунды «*A kereszt, mint mágikus jel az agyagedényeken*» (О кресте как магическом знаке на глиняных сосудах, см. Gunda 1941) и «*A lakóházat védő mágikus jelek*» (Магические знаки для защиты жилого дома, см. Gunda 1957). К этой тематике примыкают две статьи Йожефа Чабы (Csaba 1956, 1958). Применение креста как символа в оборонительной функции и обзор относящейся к этой тематике литературы подводят нас к вопросу о применении символов в народном искусстве.

Обратим внимание еще на два исследования. Шандор Дёмётёр написал работу о символических украшениях на деревянных надмогильных памятниках (Dömötör 1960), а еще ранее он сделал попытку теоретически подвести итоги в статье «*A jelkép mint néprajzi fogalom*» (Символ как этнографическое понятие, см. Dömötör 1944). Статья содержит богатый фактический материал. Автор выдвигает в ней верное предположение о том, что в культуре под символом следует понимать сообщение, стоящее на месте чего-нибудь.

Своеобразной формой бытования символов в венгерском устнопоэтическом творчестве выступает определенная функция цветов, т. н. символика цветов (см. Erdélyi 1961). Вне всякого сомнения, в народных песнях можно выявить систематическое применение различных цветов, но исследования в этом направлении следует продолжать. В других областях народного искусства исследователи также встретились с явлениями, имеющими отношение к символическим цветам. Так, Эдит Фел и Тамаш Хофер указали на то, что «человеческие фигуры и их жесты в народном изобразительном искусстве имеют символическое значение. Именно это символическое значение придает исключительную выразительность этим немногословным изображениям. Крестьянская техника изображения пропускает отличительные, личные черты, а сохраняет, даже подчеркивает другие черты, атрибуты и жесты. Те или иные существенные признаки, атрибуты, как некая система знаков, постоянно присутствуют,

снова и снова появляются в изображениях и отличают друг от друга человеческие типы» (Fél & Hofer 1966: 38). Из цитаты становится ясно, что и в народном изобразительном искусстве можно и нужно видеть систему знаков.

В упомянутой серии статей в журнале «Index Ethnographicus» вышли также статьи, посвященные знакам мастеров и тамгам на отдельных предметах и инструментах (см. Fél 1956; Fettich 1956; Sándor 1956; Vincze 1956; Boross 1957; Tárkány-Szűcs 1958; Tárkány-Szűcs 1959). В 1965 г. Эрнэ Таркань-Сюч опубликовал относительно полный свод венгерских тамг – клейм, выжигаемых на коже скота (Tárkány-Szűcs 1965). Несмотря на их значение в истории культуры, эти тамги еще не подвергались подробному рассмотрению. А ведь ими пользовались не только крестьяне и пастухи. Чуть ли не каждый ремесленник применял свой собственный знак, и даже ткачихи-кустари выработали своеобразную систему авторских знаков.

В связи с этим прекрасные примеры приведены в глубоком исследовании Э. Фел и Т. Хофера, рассматривающем внутреннюю систему вещественного мира приданого в венгерской деревне в Трансильвании: «Применение красного и черного цветов на льняных изделиях осуществляет требование симметрии даже в мельчайших элементах с явным стремлением к попарной конструкции. Указанные два цвета для вещей более высокого ранга определяют своеобразную символическую роль как выразителей двух аспектов жизни человека. Однако та последовательность, с которой жители деревни Калотасенткирай (Трансильвания) применяют символы этих двух цветов на простых мешках, бытовых полотенцах, недостойных упомянутой роли, дает основание предполагать, что в этом случае действует подчеркнутое предпочтение созданию конструкции с помощью парных *бинарных оппозиций*» (Fél & Hofer 1969: 36). Изучая знаки собственности и тамги на народных текстильных изделиях, исследователи выявили, в каком обилии имеются возможности для варьирования цветов, материалов, техники и мотивов. И хотя эти знаки собственности и тамги по своей форме еще не стали монограммами, все же в условиях безграмотности они вполне могут выполнять функции монограммы, так как на вышивках фигурируют самостоятельные сочетания знаков, соответствующие ее своеобразию.

Мы не станем перечислять все исследования, статьи и монографии о венгерской крестьянской одежде. Почти в каждом из них имеются наглядные экскурсии в область знаковой функции народного костюма. Проведя тщательное изучение материй, выкроек и областных различий, пора уже поставить в центр внимания систему народной одежды как язык, бытовавший в старинной крестьянской жизни и понятный всем членам данного коллектива. А. Сендреи писал об этом явлении очень сжато: «Народная одежда, главным образом в своей старинной форме, рассказывала почти все о своем носителе-владельце. По ней знающий человек мог узнать о приблизительном возрасте, общественном положении, профессии и даже религии одетого в этот костюм человека; совершенно иной, чем будничная, была воскресная и праздничная одежда» (Szendrey 1931: 76, см. также Fél 1950).

К этому «скрытому» этносемиотическому течению венгерских исследований в области этнографии следует причислить некоторые из работ последнего времени, в которых авторы приводят отличный исторический материал, особенно о жизни и быте цеховых мастерских (см. Bodó 1968; Bodó 1970; Bodgál 1971; Csorba 1974).

Новой главой в истории венгерской этносемиотики является то обстоятельство, что с 1968 г. на филологическом факультете будапештского университета им. Лоранда Этвёша Вильмош Фойт ведет ежегодный спецкурс по этносемиотике. Кроме общего введения в этносемиотику, студенты на курсе рассматривают этнографические проблемы. Слушателями являются не только языковеды, поскольку общее направление курса, прежде всего, этнографическое, так как спецкурс был объявлен от кафедры фольклора. В ходе занятий студентами написан ряд письменных работ по этносемиотике и культурной семиотике, включая курсовые работы, а также сделан перевод ряда семиотических статей зарубежных авторов на венгерский язык. Кстати, впервые среди европейских университетов кафедра фольклора будапештского университета объявила курс лекций по этносемиотике. Теперь уже во многих европейских университетах ведутся курсы по семиотике, но только некоторые из них можно считать этносемиотическими. Ближе всего к венгерским начинаниям стоит работа в Словакии и Румынии. «Центрально-европейская

школа этносемиотики» изучает семиотику явлений культуры, т. е. систему знаков, принятых в культурно едином обществе. В пределах этой теоретической концепции изучаются знаковые процессы в мире вещей и в мире форм сознания, поэтому данная область семиотики, данный подраздел непосредственно соприкасается, с одной стороны, со сравнительной семиотикой, а с другой стороны, с проблемами социальной семиотики, на которой мы остановимся позже.

Основная терминология и направления изучения этносемиотики были обобщены в двух статьях. В. Фойт писал о том, что уже в самом начале исследования этносемиотики зародилось предположение, что систему знаков культуры можно представить по аналогии речево-языковой системы. Отсюда всего один шаг до вывода о том, что как язык какой-либо национальной культуры коренится в народном языке, так и изучение знаковых языков и системы семиотики в отдельных культурах неотделимо от семиотического анализа народных традиций в данной культуре. (Voigt 1971b: 577)

М. Хоппал в работе «*Jegyzetek az etnográfiai szemiotikához*» (Примечания к этнографической семиотике, см. Hoppál 1971) подверг изучению конкретную систему знаков, функционирующую в народном быту. Он сделал попытку реконструировать сеть элементов в системе народных религиозных представлений, точнее, постарался наметить необходимые шаги к решению этой задачи. Исследователь исходил из того, что в рамках коммуникативных явлений в крестьянской культуре нужно изучать знаковые процессы, лежащие в основе коммуникации. Поэтому необходимо разработать научную систему категории в знаковых процессах этнографических явлений. В 1969 г. в Москве автор впервые предложил назвать новое направление научных исследований *этнографической семиотикой*. В работе за теоретическим введением в коммуникацию следует глава о метасемиотике, в которой автор определяет последовательность семиотического анализа. В ходе анализа ему удается выявить сеть связей между элементарными знаками, а в заключительной главе он иллюстрирует анализ двумя примерами.

Большой вклад в дело разъяснения теоретических и методологических вопросов в венгерских этносемиотических исследованиях внесла серия отдельных оттисков «*Трудов по семиотике*»

(Semiotic Studies), издаваемых под редакцией М. Хоппала Этнографической исследовательской группой при Венгерской академии наук. Среди авторов известные венгерские и зарубежные исследователи. Одним из основных принципов современных исследований по общественным наукам является требование разработки научного метаязыка отдельных дисциплин. Этот метаязык представляется в виде словаря теоретических терминов и выражений, в котором точно определены отдельные, постоянно употребляемые понятия. Этой цели служило несколько предыдущих обзоров и одна работа автора по истории этносемиотики (Hoppál 1973, см. также Hoppál 1977).⁶

Приобретший право на существование университетский курс и теоретическое обоснование вскоре принесли плоды и в области конкретных изысканий – был написан целый том научных статей (см. Szerdahelyi & Szépe & Voigt 1975), оправдавших полезность и успешность семиотического подхода на материале анализа далеких друг от друга явлений культуры. Работы в этом сборнике как по тематике, так и по перспективным целям разработки можно считать хорошей подготовкой к семиотическому анализу общественных процессов. Это новое направление в этнографии занимается лишь формами комму-

⁶ Во второй работе рассматривается возникновение этносемиотического мышления. Ее целью является обзор истории этносемиотики как науки, тех историко-научных (в первую очередь этнографических и этнологических) предпосылок, которые с конца XIX века вплоть до наших дней способствовали развитию этносемиотики и ускорили ее продвижение вперед. Обзор дается во второй части работы, в предельно сжатой форме. Приводятся важнейшие мысли некоторых выдающихся исследователей XX века, подготовивших возникновение и формирование теории этносемиотики. В работе говорится о взглядах Э. Сапира, Дж. Мида, Ю. Рюша, Т. Себеока, Р. Якобсона, Д. Хаймса, Э. Арденера и др. Представителями ранней этносемиотики в узком смысле можно считать (в хронологическом порядке) П. Г. Богатырева, К. Леви-Стросса, А. Греймаса, Ю. С. Степанова, В. Я. Проппа. В третьей части работы автор знакомит читателя с результатами исследований по этносемиотике после 1971 г., группируя материалы по тематике, причем тематические группы являются одновременно и тремя наиболее значимыми направлениями в этносемиотике: 1) изучение культуры как семиотической системы; 2) анализ систем в мифологии; 3) формирующееся направление т. н. словесной или вербальной семиотики.

никации, функционирующими в т. н. народной культуре, но в рамках широкой, всеобъемлющей системы явлений общественной коммуникации приходится заниматься также различными знаковыми процессами, составляющими основу коммуникации, в том числе и знакообразными выражениями этнографических явлений. Таким образом этносемиотика связана с более широкой проблематикой общественной семиотики.

Далее в тематической группировке рассмотрим те статьи в венгерской этнографической литературе, которые, вне всякого сомнения, применяют этносемиотический подход в области «вещественной» этнографии, а затем – фольклористики. Б. Гунда еще раньше писал о подаче сигналов в народном коллективе (см. Gunda 1965) – среди пастухов. Поэтому кажется закономерным, что, возвратившись из поездки в Северную Америку, он первым откликнулся на предложение о коммуникативно-теоретическом, а затем семиотическом подходе к этнографическим явлениям. Исследователь публикует две работы по этносемиотике: о любовных сигналах (см. Gunda 1973) и о пастухах и сигналах (Gunda 1975), приводя богатейший материал.

Имре График в работе «*A tulajdont jelölő jelek rendszere a népi műveltségben*» (О системе знаков собственности в народной культуре, см. Gráfik 1972) исходит из того, что в народной культуре при осуществлении общественных акций и управлении ими действуют различные системы знаков. К этим сигналам относится частная система знаков собственности. Основной целью И. Графика является подход к этому действительно функционирующему комплексу знаков на основе теории знаков, используя материалы и достижения предшествующих исследований. В первой части работы автор рассматривает роль собственности как обозначаемой и отмечаемой знаком категории в историческом и общественном развитии человечества. По предположениям И. Графика, второй обозначаемой категорией выступают правовые отношения. Так знаки собственности приобретают правовой характер. Во второй части работы автор изучает закономерности внутренней системы сообщения информации посредством знаков собственности, в первую очередь внутрисемейных знаков собственности. Привлекая математический аппарат теории информации, он исследует, по каким закономерностям может меняться исконный семейный

знак собственности в вариантах знаков отдельных членов семьи. Работа И. Графика – значительный вклад не только в дело этносемиотики, но и в изучение знаков собственности в историческом плане.

Особой, заслуживающей внимания частью этнографии как науки о материальной культуре является область народного искусства. В музеях и на страницах специальных публикаций собран огромный материал, однако вплоть до последних лет не проводилась обработка этого материала с семиотической точки зрения, а ведь материалы по народному искусству сами напрашиваются на такую обработку. Некоторые исследователи (например, Карой Кош) обращали внимание на то, что отдельные предметы народного искусства были созданы и функционировали в рамках правил общественных отношений, норм важнейших человеческих переживаний («народное искусство любви и смерти»), поведения в обществе, а также в рамках «конвенционального языка знаков» (см. Kós 1972).

По исследованию народной одежды, где применение семиотического подхода было бы естественнее всего, нам известно лишь несколько работ. По изучению систем знаков на надгробных деревянных памятниках было написано немало статей семиотического характера. Насколько такой подход к предмету следует из фактического материала, наглядно видно на примере работы К. Коша, написанной еще в 1968 г. и опирающейся на большую собирательскую работу. Автор дает описание отдельных частей надгробных деревянных памятников, проводя различие между характерными орнаментами мужских и женских надгробий, символическими значениями расцветки и резьбы, выявляет одно из возможных чтений «языка надгробий» (областного языка трансильванских деревянных надгробных памятников в виде копья) и приходит к выводу, что предстоящей задачей можно признать «разработку знакового языка надгробных памятников в общественном и культовом отношении» (Kós 1972).

Выступившие почти одновременно исследователи приступили к решению упомянутой выше задачи. Кроме формального анализа знакового языка, их интересовал как исторический фон, так и вопрос об общественном окружении этого языка. Тюнде Зентаи, Ласло Новак и М. Хоппал в своих работах (Zentai 1972; Novák 1973; Horpál 1974 соответственно) уже определенно

применяют этносемиотический метод. Т. Зентаи занималась похоронными обрядами. Она собирала воспоминания, связанные с надгробьями, у одаренного крестьянина-рассказчика в с. Надудвар на Венгерской низменности. Во введении исследователь заключает, что группу надгробных памятников и кладбище в целом можно воспринимать и как своеобразную систему знаков, которая посредством сообщения вещественных, опредмеченных знаков, без вспомогательных языково-речевых средств отражает определенную часть системы обычаев данного коллектива и его общественное состояние, а именно, ту часть, которую можно до известной степени определить и которую сам коллектив считает значимой и важной. В дальнейшем автор перечисляет элементы этой системы знаков, указывая, что обозначают деревянные надгробные памятники того или иного типа (например, каковы эти памятники у мужчин, у женщин, у детей). В конце работы мы находим описание похоронных обрядов. Как пишет автор, «эта группа надгробий-знаков является остатком общедействующей системы, она была характерна для раннего уровня народной культуры, когда закрепление информации из-за безграмотности могло быть произведено только посредством вещественных знаков» (Zentai 1972: 305).

В конце 1974 г. была написана обобщающая статья о системе знаков на венгерских деревянных надгробных памятниках «*Style and Meaning in the Ethnographic Art*» (Стиль и значение в венгерском народном искусстве, см. Horpál 1975b).⁷ Автор зачитал ее на международной конференции в Англии. На необычное многообразие форм этих деревянных надгробных памятников обратили внимание не только зарубежные, но и венгерские участники конференции. Задачей исследователя-этнографа является точное описание надгробий как пока неизвестной системы знаков. Он должен определить элементарные знаки, составить словарь символов, разработать грамматику сочетаемости отдельных мотивов, определить значение отдельных знаков (символов или орнаментальных мотивов) и, наконец, рассмотреть функционирование всей этой системы в народной культуре в рамках крестьянского коллектива. Очевидно, этот подход в духе общей семиотики соответствует синтаксическому, семантическому и прагматическому анализам.

⁷ На русском языке работа была опубликована с некоторыми изменениями в 26-м томе журнала «Acta Ethnographica» за 1977 г.

В результате тщательного анализа были определены основные оппозиционные пары, с помощью которых надгробия сообщают о том, кто лежит в могиле: мужчина или женщина, старик или молодой, бедняк или богач. Все это выражено с помощью форм, декоративных мотивов, вырезанных на дереве символов, росписи, размеров (высоты и толщины) надгробия. В первые десятилетия XX века эта система знаков еще жила и была общепонятна для жителей деревни. Систему знаков удалось восстановить благодаря воспоминаниям старожилов и разрозненным данным в специальной литературе. Интересную особую группу представляют надгробные памятники в форме человека. В своей работе мы уделили им особое внимание, считая их типичным проявлением иконических знаков в области народной культуры. Один из выводов работы сводится к тому, что деревянные надгробные памятники, имеющие форму человека и «заменяющие собой человека», являются древнейшей формой венгерских деревянных надгробий, несмотря на то что аналогичные надгробные знаки известны также у некоторых сибирских народов.

Остановимся на отдельных венгерских попытках исследования в области т. н. *вербальной семиотики*, изучающей языковые тексты. В. Фойт в своей книге (см. Voigt 1972b) и во многих других публикациях (например, Voigt 1971a) конкретно указывал на структуральный и семиотический анализ текста и приводил короткие примеры. Совместно с Агнеш Семеркени они написали лучший до сих пор труд в области изучения венгерских пословиц и поговорок (см. Szemerkenyi & Voigt 1972). В 1974 г. на конгрессе Общества по изучению народных рассказов (*Society for Folk Narrative Research*) в Хельсинки А. Семеркени выступила с докладом, посвященным прагматическому анализу венгерских пословиц и поговорок (см. Szemerkenyi 1974).

В сентябре 1974 г. на симпозиуме «Поэтика и стилистика фольклора» М. Хоппал выступил с рефератом «Az «első» mese» (Первая сказка, см. Horpál (1974)). В работе автор рассматривает группу т. н. «цепных» сказок, учитывая достижения западно-европейских школ по текстуальной семиотике. Применение новейших достижений лингвистики и т. н. текстуально-теоретических направлений, превзошедших генеративную грамматику прежних времен, в анализе фольклорных текстов, по всей

вероятности, открывает новые горизонты в теории фольклора (дополняя их, конечно, теорией т. н. речевого акта – *speech act*).

Подход к мифологии как системе знаков основан на анализе языковых текстов. В сущности, это взгляд советских исследователей в области семиотики. Об этом автор данной статьи писал в обзоре «*A mitológia, mint jelrendszer*» (Мифология как система знаков, см. Horpál 1975a), а в ходе научной командировки в Мос-кву ознакомился с принципами советской семиотики. Позже эти принципы были подвержены испытанию на конкретном мифологическом материале в статье о мифологии приуральских народностей (Horpál 1976). С тематикой этой статьи связано интересное исследование Петера Вереша, изучившего противопоставление правой и левой сторон (бинарные семиотические оппозиции) и сделавшего перспективные выводы исторического и этногенетического характера. Его положения, как и семиотическое направление в сравнительных исследованиях мифологии, выявляют возможности создания этносемиотики, для которой характерен исторический подход: «Насколько бы ни были скептически те или иные исследователи по вопросам необходимости изучения общих явлений в культуре различных народов, изучение всей этой совокупности проблем исторической этнографии становится все более насущным и необходимым. Без знания семиотических универсальных явлений невозможно определить механизм внутренней интегрирующей и внешней разграничивающей функций отдельных культур. В интересах обеспечения объективности в исторических реконструкциях неизбежным представляется выявление культурных изоморфизмов, созданных двоякой символической системой классификации, в основе которой лежат бинарные оппозиции» (Veres 1975).

Таким образом мы перешли из мира вещей в мир общественного сознания, в необъятный мир языка, мифов, истории и др. Заканчивая обзор, коротко остановимся на венгерских исследованиях по этносемиотике и на связях последней с зарождающейся социальной семиотикой.

Такой исторический обзор необходим уже для того, чтобы проследить развитие научной мысли, путь становления определенного научного направления (с его неизбежными тупиками!). Пройденный путь ясно показывает, что возможность становле-

ния этносемиотики появилась лишь благодаря марксистскому изучению общественного применения знаков и сигналов. Исходным моментом подобного подхода на основе теории знаков были положения, согласно которым, «знаки – это общественный факт... и поведение человека в большинстве случаев имеет характер знака...» и созданные человеком знаки существуют не сами по себе, а взаимосвязаны и составляют систему. Эти положения взяты из работы В. Фойта *«Bevezetés a szemiotikába»* (Введение в семиотику, см. Voigt 1977).

К этим рассуждениям непосредственно примыкает кандидатская диссертация П. Йози (Józsa 1974), в которой автор выдвигает положение, что центральной категорией марксистской науки об обществе должен быть знак, подобно тому, как центральной категорией марксистской экономической теории выступает обмен.

В нашей стране нужны были значительные предварительные исследования, чтобы оказалось возможным написать книгу или диссертацию по той или иной теме. Венгерская социальная семиотика, как и этносемиотика, тесно связана с семиотическими исследованиями в области литературы, кинематографа и музыки, она обобщила их достижения. Кроме ряда ценных статей-эссе (см. Vitányi 1972; Hankiss 1974), была выпущена программная работа, в которой Д. Сепе и В. Фойт определяют задачи венгерских исследований по семиотике – «определение понятия знака, классификация знаков и разработка типологии знаковых систем, в сущности, систематизирующая деятельность, в центре которой стоит одна единственная задача: *еще ближе и глубже ознакомиться с различными явлениями общественного быта и общественного сознания*» (Szépe & Voigt 1972: 40–41). Область теории знаков, которая занимается общественной предопределенностью знаковых процессов и которая должна демонстрировать их общественную регулированность и системность, они назвали *социальной семиотикой*. Все перечисленные исследования занимаются частными областями семиотики, каждое из них посвящено одной определенной объективации общественного сознания.

Благодаря указанным историческим предпосылкам, венгерская этносемиотика обратила внимание, прежде всего, на явления в крестьянских коллективах. Современная социальная

семиотика не оставляет без внимания и явления в городских коллективах. Готов первый конкретный социально-семиотический анализ – описание первомайской демонстрации 1973 г. с некоторыми методологическими выводами (Voigt 1974). А такие работы теоретического характера, как исследование З. Каньо по вопросам прагматики, предлагают важнейшие выводы для этносемиотики, ведь на уровне прагматики знак и сообщение всегда появляются как исторически и социально predetermined акты. Каньо пишет (Kanyó 1972: 108): «Не подлежит сомнению, что сущность знака и его применения обнаруживается на уровне прагматики: знак в действительности всегда бытует в прагматических реляциях». З. Каньо сосредоточивает свое внимание на социальных функциях знаков в соответствии с общей направленностью «Трудов по общему языкознанию», в одном из томов которых была опубликована его работа (см. Telegdi & Szépe 1972). Авторы сборника подвергли рассмотрению прагматические аспекты важнейшего средства коммуникации – устной речи (например, Norrál 1972b). Именно повседневная коммуникация знаками составляет важнейшую область исследования как в социальной семиотике, так и в этносемиотике, определяемой как часть первой.

Итак, мы перешли к изысканиям в области коммуникации. По праву можно поднять вопрос – какова взаимосвязь между семиотикой и коммуникацией? Т. Сечкё заключает (Szeckó 1971): «Мир явлений в повседневной коммуникации, т. е. бытовая коммуникация, предоставляет для исследований в социально-психологическом плане больше простора, чем другие формы общественной коммуникации, так как и связная речь, и метакоммуникативные сигналы, и ситуация, в которой присутствуют разговаривающие, равно как и принятие этой ситуации, стереотипы повседневного мышления, перекодированные в слова или знаки поведения, все это представляет собой разновидность знака, разработанную обществом и возведенную в ранг института. А так как любая коммуникация осуществляется посредством знаков, мы считаем вполне обоснованным заключение Э. Хорани (Horányi 1973), согласно которому, «семиотика является своего рода метатеорией в изучении коммуникации».

Это в некоторой степени наддисциплинарное положение дало семиотике возможность практически с 1968 г. служить

межнаучными, интердисциплинарными рамками для систематизации ряда положений и теорий, выдвинутых на той или иной научной конференции.⁸ С точки зрения истории венгерской этносемиотики, среди этих конференций особое значение имела международная конференция по семиотике в Тихани. Уже в 1972 г., в период составления планов, стало ясно, что вследствие указанных выше этнографических предпосылок одна из секций на этом совещании непременно должна заниматься вопросами этносемиотики. План работы этой секции подготовили М. Хоппал и др. 15 февраля 1973 г. в Этнографической исследовательской группе при Венгерской Академии наук были обсуждены проблемы этносемиотики. В ходе этого обсуждения В. Фойт выступил с отчетом по подготовительным работам этносемиотической секции к предстоящей конференции, а М. Хоппал информировал о венгерской концепции этносемиотики. Выступившие в прениях Д. Сепе, З. Каньо, Г. Боньхаи, И. Границ, Мартон Иштванович и др. занимались главным образом вопросом о том, в какой мере нужны своеобразные методы в этносемиотическом подходе к отдельным областям науки.

После двухлетней подготовительной работы, с 26 мая по 30 мая 1974 г. в Тихани была проведена конференция «Культура и семиотика», в которой, несмотря на ее венгерский характер, приняли участие многие зарубежные исследователи. 27 мая состоялось секционное заседание на тему «Знаковые системы народной культуры», где с вводным докладом выступил М. Хоппал. Он исходил из определения культуры, предложенного Ю. М. Лотманом, и подчеркнул центральное значение кодирования народной культуры. Согласно этому, насущной задачей этносемиотики является разбор всех кодов в отдельности, их разграничение, выявление их системы.

⁸ Такими совещаниями по семиотике были: *Формообразующие принципы в поэтическом творчестве* (1968); *Моделирование в фольклористике* (1969); *Язык и коммуникация* (1969); *Искусство и общедоступность* (1970); *Дискуссия по разбору рассказа* (1970); *Симпозиум по семиотике* в г. Вацратот (1971); *Импровизация в искусстве* (1972); *Советско-венгерское совместное заседание по вопросам литературной семиотики* (1972); *Конференция по стилю* (1973); *Культура и семиотика* в Тихани (1974).

Цель этносемиотических исследований в области народной культуры заключается в изучении знаковых процессов, точнее говоря, кодов, с помощью которых социальные акты коммуникации осуществляются в повседневной жизни. Исследования такого характера путем конкретного изучения какой-либо одной культуры (подразумевается венгерская крестьянская культура) внесет большой вклад в выявление общих, не только семиотических характеристик культуры.

Благодаря этой конференции, венгерские стремления могли вступить в непосредственный контакт с зарубежными достижениями. Научное течение этносемиотики интересуется семиотикой явлений культуры, общественно принятыми системами знаков культурно единого коллектива. Эта подотрасль науки должна заниматься знаковыми процессами, как в мире вещей, так и в мире форм сознания, поэтому она непосредственно связана с проблемами сравнительной семиотики (также возникшей в Венгрии, хотя выдвинувшие это название исследователи в настоящее время работают за рубежом⁹).

Ознакомив читателя с ранними исследованиями, изложив их в двойном плане и охарактеризовав работы по этносемиотике, мы 1) указали на области, в которых с надеждой на успех можно применять методы науки о знаках; 2) проследили теоретическую (а зачастую и практическую) неуверенность, характерную для отдельных разысканий. Этот факт привел к тому, что в последние два-три года семиотические (не только этносемиотические) исследования приостановились. Но этот же факт должен в будущем послужить стимулом для этносемиотических исследований, к тому, чтобы они, усиливая теоретическое обоснование, породили как можно больше *конкретных анализов* и семиотических описаний на все более надежной основе.

Мы надеемся, что этот обзор венгерских достижений в области этносемиотики убедит читателя в том, что у нас имеется надежная основа для будущих исследований. Налицо все возможности для дальнейшего развития результатов, достигнутых нашими предшественниками.

⁹ Т. Себеок и Я. Ш. Петёфи – крупнейшие исследователи в мировой семиотике.

Литература

- Balázs, János 1966. Jel is jelölési érték. – *Altalános Nyelvészeti Tanulmányok* 4, 5–30. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Bodgál, Ferenc 1971. Kovácsremekek, kovácscégérek. – *A miskolci Herman Ottó Múzeum közleményei* 9, 96–104.
- Bodó, Sándor 1968. Céhbehívó táblák a miskolci Horman Ottó Múzeumban. – *A miskolci Herman Ottó Múzeum évkönyve* 7, 171–211.
- Bodó, Sándor 1970. Borsodi, abauji és zempléni céhpecsétek. – *A miskolci Herman Ottó Múzeum évkönyve* 9, 183–255.
- Bonyhai, Gábor 1968. A Szarvas-ének szerkezeti elemei. – *Kritika* 6, 29–41.
- Boross, Marietta 1957. Jelzések a mezőgazdasági eszközökön Bulgáriában. – *Index Ethnographicus* 2, 90–96.
- Borsody-Bevilaqua, Béla 1938. Régi pest-budai házjegyek. – *Tükör* 684.
- Csaba, József 1956. Kereszt alakú varázsjelek alkalmazása a vendeknél. – *Néprajzi Közlemények* 1, 102–109.
- Csaba, József 1958. Mágikus jelek egy nárai kúton. – *Index Ethnographicus* 3, 229–231.
- Csatkay, Endre 1971. *Cégérek*. Budapest.
- Csúri, Károly 1968. A ló meghal a madarak kirepülnek c. Kassák költemény emblémaszerkezete. – *Irodalmi és Nyelvi közlemények* 2, 129–154.
- Dömötör, Sándor 1944. A jelpép mint néprajzi fogalom. – *Ethnographia* 55, 39–69.
- Dömötör, Sándor 1960. Abádszalóki fejfadíszítések (A kifejezés etnográfijához). – *Index Ethnographicus* 5, 81–94.
- Erdélyi, Zsuzsanna 1961. Adatok a magyar népköltészet színszimbolikájához. – *Ethnographia* 72, 173–199 & 406–429 & 583–596.
- Fél, Edit 1950. Women's clothing in the Sárköz. – *Folia Ethnographica* II: 1, 19–54.
- Fél, Edit 1956. Adalékok az életfa magyarországi ábrázolásához. – *Index Ethnographicus* 1, 65–68.

- Fél, Edit & Hofer, Tamás 1966. *Parasztok–pásztorok–betyárok. Emberábrázolás a magyar népművészetben*. Budapest: Corvina.
- Fél, Edit & Hofer, Tamás 1969. A kalotaszentkirályi kelengye I. Kísérlet a tárgyi világ rendjének feltárására. – *Néprajzi értesítő* 51, 15–36.
- Fettich, Nándor 1956. Az emberformájú életfároról. – *Index Ethnographicus* 1, 153–160.
- Gráfik, Imre 1972. A tulajdont jelölő jelek rendszere a népi műveltségben. – *Néprajzi értesítő* 54, 69–105.
- Gunda, Béla 1941. A kereszt, mint mágikus jel az agyagedényeken. – *Ethnographia* 52, 66–67.
- Gunda, Béla 1957. A lakóházat védő mágikus jelek. – *Index Ethnographicus* 2, 192–198.
- Gunda, Béla 1965. Signal by Sweep-Well in the Great Hungarian Plain. – *Acta Ethnographica* 14, 394.
- Gunda, Béla 1973. Sex and Semiotics. – *Journal of American Folklore* 86, 143–151.
- Gunda, Béla 1975. Pásztorok és jelek. – István Szerdahelyi & György Szépe & Vilmos Voigt (red.) *Jel és közösség: Szemiotikai tanulmánygyűjtemény*, 11–22. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Hadik, Béla 1927. Korcsmacégérek történetéhez. – *Néprajzi értesítő* 19, 19–78.
- Hankiss, Elemér 1967. A népdaltól az abszurd drámáig. – *Kritika* 12, 14–27.
- Hankiss, Elemér 1969. Kommunikáció elméleti modellek és a népdalkutatás. – *Ethnographia* 80, 354–355.
- Hankiss, Elemér 1970a. Az irodalmi mű: struktúra vagy modell? – *Valóság* 7, 74–88.
- Hankiss, Elemér (red.) 1970b. *Formateremtő elvek a költői alkotásban*. Budapest.
- Hankiss, Elemér (red.) 1971. *A novellaelemzés új módszerei*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

- Hankiss, Elemér 1974. Megismerés és értékelés: Az ember és a társadalom jelzőrendszeréről. – *Valóság* 17, 25–36.
- Hoppál, Mihály 1970. *Egy falu kommunikációs rendszere*. Budapest: MRT Tömegkommunikációs Kutatóközpont.
- Hoppál, Mihály 1971. Jegyzetek az etnográfiai szemiotikához. – *Népi kultúra – Népi társadalom* 5–6, 25–43.
- Hoppál, Mihály 1972a. Kommunikációs rendszer – köznapi kommunikáció (Szerk. Szecskó Tamás) (Рецензия). – *Acta Ethnographica* 21, 403–404.
- Hoppál, Mihály 1972b. Gesztus kommunikáció. – *Általános nyelvészeti tanulmányok* 8, 71–84.
- Hoppál, Mihály 1973. Semiotic Research in Hungary. – *Acta Ethnographica* 22, 204–216.
- Hoppál, Mihály 1974. A non-verbális kommunikáció. – *Rádió és Televízió Szemle* 1, 116–119.
- Hoppál, Mihály (1974). *Az «első» mese. Verbális szemiotika és szövegelmélet*. Выступление на симпозиуме о поэтике фольклора.
- Hoppál, Mihály 1975a. A mitológia, mint jelrendszer (Szemiotikai irányzatok a szovjet összehasonlító mitológia kutatásban). – István Szerdahelyi & György Szépe & Vilmos Voigt (ред.) *Jel és közösség: Szemiotikai tanulmánygyűjtemény*, 93–105. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Hoppál, Mihály 1975b. Style and Meaning in the Ethnographic Art. An Ethnosemiotic Approach. Paper Presented for a Symposium on Art, Artisan and Societies, Leicester, Jan. 1975. Reprinted in *Folklór Archívum* 7, 21–24.
- Hoppál, Mihály 1976. Folk Beliefs and Shamanism among the Uralic Peoples. – Péter Hajdú (ред.) *Ancient Cultures of the Uralian Peoples*, 215–242. Budapest: Corvina.
- Hoppál, Mihály 1977. Bevezetés az etnoszemiotikába. – *Népi kultúra – Népi társadalom* 10, 45–71. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Hoppál, Mihály & Szekfű, András (ред.) 1974. *A mozgókép szemiotikája*. Budapest: MRT Tömegkommunikációs Kutatóközpont.
- Horányi, Özséb 1971. A film szemiotikája. – *Filmkultúra* 1, 71–75.

- Horányi, Özséb 1973. Szemiotika a kommunikáció-kutatásban. – *Rádió és Televízió Szemle* 3, 42–43.
- Horányi, Özséb & Szépe, György (ред.) 1975. *A jel tudománya*. Budapest: Gondolat.
- Horváth, Henrik 1935. *Budai kőfaragók és kőfaragójeleik*. Budapest.
- Huszár, Lajos 1961. Merchant's Seals of the 16th and 17th Centuries. – *Folia Archeologica* 13, 187–194.
- Józsa, Péter 1974. *A társadalmi tudat kódjai*. Kandidátusi értekezés tézisei. Budapest.
- Kanyó, Zoltán 1972. *A pragmatika a szemiotikában és a nyelvészetben*. – *Általános nyelvészeti tanulmányok* 8, 105–118.
- Kanyó, Zoltán 1975. *Zur Theorie der Einfachen Formen (Sprichwörter)*. Тезисы кандидатской диссертации *Ein semiotisch-literaturtheoretische Untersuchung*.
- Karácsony, Sándor 1939. *A magyar észjárás és közoktatásügyünk reformja*. Budapest: Exodus.
- Karácsony, Sándor 1941. *A könyvek lelke: Irodalmi nevelés. Jelrendszer és jelképrendszer*. Budapest: Exodus.
- Kós Károly, 1972. A székely sírfák kérdéséhez. – Károly Kós *Népélet és néphagyomány*, 253–274. Bukarest: Kriterion.
- Kovács, Ferenc 1964. Sign, Meaning, Society. – Horace G. Lunt (ред.) *Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists, Cambridge, August 27–31, 1962* (Janua linguarum 12), 261–262. The Hague: Mouton.
- Küllös, Imola 1970. Kísérlet a magyar népköltészet szerelmi dalainak tipológizálására. – *Népi kultúra – Népi társadalom* 4, 127–146.
- Laziczius, Gyula 1932. *Bevezetés a fonológiába*. Budapest.
- Lükő, Gábor 1942. *A magyar lélek formái*. Budapest: Exodus.
- Novák, László 1973. Halottkultusz és fejfatípusok Albertirsán. – *Studia Comitatus* 2, 203–228.

- Ortutay, Gyula 1959. Variáns, invariáns, affinitás. (A szájhagyományosi műveltség törvényszerűsége). – *MTA II. Osztályának Közleményei* 9, 195–238.
- Ortutay, Gyula. 1966. *Kis magyar néprajz*. Budapest: Gondolat.
- Palotay, Gertrud 1943. Megkülönböztető öltözet- és viseletjelek Kalotaszegen. – *Ethnographia* 54, 193–194.
- Papp, Ferenc 1965. Szemiotikai jegyzetek. – *Általános nyelvészeti tanulmányok* 3, 157–176.
- Papp, Ferenc 1969. Jelentés, közlés, szemiotika a szovjet nyelvtudományban. – Tamás Szecskő & György Szépe (red.) *Nyelv és kommunikáció* II, 95–125. Budapest: Tömegkommunikációs Kutató Központ.
- Petőfi, S. János 1966. *Művészet és kommunikáció*. – *Kritika* 4, 34–40.
- Perehazy, Károly 1962. Cégérekéről. – *Műemlékvédelem* 2, 103–107.
- Sándor, István 1956. Osztják «kézjelek» Jankó János naplójában. – *Index Ethnographicus* 1, 69–71.
- Szecskő, Tamás 1971. *Kommunikációs rendszer – Köznapi kommunikáció*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Szecskő, Tamás & Szépe, György (red.) 1969. *Nyelv és kommunikáció*. Budapest: MRT Tömegkommunikációs Kutatóközpont.
- Szekfű, András 1971. A filmszemiotikáról. Az alapfogalmak vázlata. – *Rádió és Televízió Szemle* 3, 51–68.
- Szemerkenyi, Ágnes 1974. A Semiotic Approach to the Study of Proverbs. – *Proverbium* 24, 934–936.
- Szemerkenyi, Ágnes & Voigt, Vilmos 1972. The Connection of Theme and Language in Proverbs Transformation. – *Acta Ethnographica* 1–2, 95–108.
- Szendrey, Ákos 1931. A népi ruházatkodás életkor-jelző jelentősége. – *Ethnographia* 42, 76–85.
- Szendrey, Ákos 1941. A magyar nép jelnyelve. – *Ethnographia* 52, 260–264.
- Szépe, György 1961. Hozzászólás. – *MTA Nyelv- és Irodalomtudományi Osztály Közlemények* 18, 102–107.

- Szépe, György & Voigt, Vilmos 1972. Szemiotikai alternatív. – *Valóság* 15, 40–49.
- Szerdahelyi, István (ред.) 1972. *Művészet és közérthetőség*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Szerdahelyi, István & Szépe, György & Voigt, Vilmos (ред.) 1975. *Jel és közösség: Szemiotikai tanulmánygyűjtemény*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Szilágyi, Gábor 1971. A vizuális közlés szemiológiája. – *Fotóművészet* 2, 35–40.
- Tárkány-Szűcs, Ernő 1958. Régi vásárhelyi tulajdonjegyek. – *Index Ethnographicus* 2, 210–228.
- Tárkány-Szűcs, Ernő 1959. Körösfői «örökségek» tulajdonjegyei. – *Néprajzi Közlemények* 1–2, 47–50.
- Tárkány-Szűcs, Ernő 1965. A jószág égetett tulajdonjegyek Magyarországon. – *Ethnographia* 76, 197–199 & 359–410.
- Telegdi, Zsigmond & Szépe, György (ред.) 1972. *Nyelv és társadalom* (Általános nyelvészeti tanulmányok 8). Budapest.
- Temesi, Mihály 1966. A nyelvi jel hagyományos fogalmának kialakulásáról. – *Általános nyelvészeti tanulmányok* 4, 199–212.
- Veres, Péter 1975. Jobb – bal, férfi – nő. – István Szerdahelyi & György Szépe & Vilmos Voigt (ред.) *Jel és közösség: Szemiotikai tanulmánygyűjtemény*, 83–92. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Vincze, István 1956. A magyarországi mezőgazdasági szerszámok mester- és tulajdonjegyei. 1. Szőlőmetszőkések. – *Index Ethnographicus* 2, 161–169.
- Vitányi, Iván 1972. A kulturális érintkezés társadalomformáló ereje. – *Valóság* 12, 30–47.
- Voigt, Vilmos 1969a. A társadalmi tudat formáinak modelljei. – *Valóság* 4, 34–55.
- Voigt, Vilmos 1969b. A szerelem kertjében. Szempontok lírai népdalszövegeink kialakulásának és alkotásmódjának vizsgálatához. – *Ethnographia* 80, 235–275.

- Voigt, Vilmos 1971a. Ösvény vezet a műalkotások szemiotikája felé. – *Kritika* 3, 28–30.
- Voigt, Vilmos 1971b. Etnoszemiotikai jegyzetek. – *Ethnographia* 82, 577–581.
- Voigt, Vilmos 1972a. Some Problems of Narrative Structure Universals in Folklore. – *Acta Ethnographica* 1–2, 57–72.
- Voigt, Vilmos 1972b. *A folklór alkotások elemzése*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Voigt, Vilmos 1974. *A május 1-i felvonulás társadalom-szemiotikája*. – János Tölgyesi (ред.) *1973 május 1*, 4–24. Budapest: MRT Tömegkommunikációs Kutatóközpont.
- Voigt, Vilmos 1977. *Bevezetés a szemiotikába*. Budapest: Gondolat.
- Zentai, Tünde 1972. Nádudvari sírjelek. – *Ethnographia* 88, 305–309.

ШАМАНЫ – КУЛЬТУРЫ – ЗНАКИ

Михай Хоппал

<http://www.folklore.ee/ri/pubte/ee/sator/sator14/>

ISBN 978-9949-544-46-2

Тарту 2015

Автор: Михай Хоппал

Редактор серии: Маре Кыйва

Редактор и составитель: Николай Кузнецов

Перевод: Николай Кузнецов

Дизайн: Андрес Куперьянов

Верстка: Диана Кахре

HTML: Диана Кахре

Печатное издание:

Михай Хоппал. ШАМАНЫ – КУЛЬТУРЫ – ЗНАКИ.

SATOR 14. Тарту 2015

Составление, техническое оформление и печать книги осуществлены при поддержке Эстонского институционального исследовательского гранта 22-5 (Религиозные и нарративные аспекты фольклора).

Оформление электронного издания осуществлено при поддержке проекта ЕККМ14-344 “Расширение областей применения и представление эстонского языка, культуры и фольклора в электронных информационных средствах”.

© 2015 Научное издательство ЭЛМ